

стойнѣ, это очень легко понять: картины Верещагина „вовсе не представляютъ въ русскомъ искусствѣ художественнаго факта, имѣющаго крупное внутреннее значеніе; онѣ только блестящее, модное явленіе, явленіе поверхностное“. У Верещагина критикъ находитъ великіе недостатки. Такъ, наприм., въ картинѣ „Процессія на слонахъ, въ Индіи“ онъ призналъ „грубую, кричащую колоритность и эффектность красокъ, небрежное письмо, малую выдержку воздушной перспективы — все это слишкомъ грубо декоративно“. Разсматривая картину „Великій Моголь въ мечети въ Дели“, критикъ чувствуетъ себя склоннымъ „заподозрить Верещагина—выражаясь мягко—въ нѣкоторомъ фокусъ-покусничествѣ въ искусствѣ: мнимая оригинальность и поразительность этой картины заключается въ томъ, что въ ней на пространствѣ громаднаго холста нарисована, вѣроятно, съ фотографіи, въ колоссальномъ видѣ перспектива мечети и въ ней помѣщено десять небольшихъ фигуръ и нѣсколько паръ туфель на первомъ планѣ“. При этомъ сообщается глубоко-художественное и очень полезное для художниковъ замѣчаніе, что „все, что тутъ нарисовано на пространствѣ четырехъ или трехъ квадратныхъ саженей—все это могло бы съ удобствомъ уместиться на крошечномъ полотнѣ и впечатлѣніе отъ картины было бы то же самое. Скажутъ, что нельзя художнику предписывать размѣры его полотна—нѣтъ, это не такъ: художественныя соображенія предписываютъ художнику извѣстное соотношеніе между сюжетомъ и размѣрами картины, если только онъ преслѣдуетъ истинныя цѣли искусства, а не коммерческія“. Любопытно было бы послушать критика гдѣ-нибудь въ музеѣ: онъ тамъ, я думаю, мастерски и ловко разобралъ бы, кто имѣлъ право, и кто нѣтъ, писать картину свою на томъ или другомъ полотнѣ—я думаю, тысячамъ художниковъ досталось бы. Еще лучше то, что при своемъ примѣрномъ художественномъ вкусѣ и чутьѣ, этотъ критикъ рѣшилъ, что „большая часть индѣйскихъ этюдовъ Верещагина, вѣроятно, писана имъ съ фотографіи“—предположеніе, совершенно равняющееся клеветамъ и выдумкамъ Тютрюмова на счетъ туркестанскихъ картинъ Верещагина, писанныхъ не прямо имъ самимъ, а „дѣлой компаніей художниковъ“. Читая такія изреченія обоихъ превосходныхъ писателей, художники только хохотали и съ жалостью поднимали плечи. Но одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ у писателя „Новаго Времени“ — это объявленіе, что „за немногими счастливыми исключеніями, почти всѣ произведенія Верещагина суть только иллюстраціи, а не картины въ истинномъ смыслѣ этого слова“, и при этомъ объяснялось, что „иллюстрація есть такое